

Московское государство во второй половинѣ XVI вѣка.

Борьба за самодержавіе и политика Грознаго.

Къ началу XVI вѣка исчезла удѣльная раздробленность сѣверо-восточной Руси. Хозяйственная политика московскихъ князей, съ теченіемъ времени проникнутая государственными идеями, увѣнчалась успѣхомъ. Подъ властью московскаго князя сформировалось большое національное государство. Потому Калиты стали единственными владѣтелями всей русской земли, и тѣмъ не менѣе въ новообразовавшемся государствѣ сохранилось немало пережитковъ старины, все еще напоминавшихъ о не ушедшей въ вѣчность удѣльной традиціи, благодаря которой московскій князь представлялъ собою не столько единодержавнаго монарха, сколько „феодалнаго сюзерена“, подъ рукой котораго въ строго іерархическомъ порядкѣ расположились представители родового землевладѣнія. Лишившись суверенной власти въ своихъ владѣніяхъ, удѣльные князья и ихъ потомки тѣмъ не менѣе оставили ихъ за собою на правахъ родовыхъ вотчинъ и продолжали сохранять въ неприкосновенности всѣ традиціи удѣльнаго уклада. Такіе землевладѣльцы—княжата имѣли свой дворъ, выходили на войну съ собственнымъ войскомъ,—владѣли судебнымъ и податнымъ иммунитетомъ, благодаря которымъ они оставляли въ своихъ рукахъ право суда и дани. Всѣ эти удѣльные пережитки, конечно, находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительнымъ положеніемъ московскаго князя, какъ національнаго государя. Это противорѣчіе было скоро замѣчено московскими государями. Усвоивъ изъ удѣльной старины представленіе о безпредѣльной, ни съ кѣмъ не раздѣляемой

власти въ своей вотчинѣ, московскій князь перенесъ его въ понятіе власти московскихъ государей, для которыхъ государство по-старому оставалось только вотчиной. Однако дѣйствительность рѣзко расходилась съ теоріей власти. Это противорѣчіе и заставило московскихъ государей предпринять рядъ энергическихъ попытокъ для утвержденія „самодержавной власти“ и для согласованія политической дѣйствительности съ теоріей царской власти.

И въ организациі провинціального управленія сохранилось немало удѣльной старины, такъ какъ съ самаго начала объединенія сѣверо-восточной Руси московскимъ князьямъ была совершенно чужда мысль о централизациі управленія, какъ средствѣ держать въ своихъ рукахъ присоединенныя княжества и проводить въ нихъ свою собственную политику. Обыкновенно, послѣ присоединенія къ Москвѣ какого-нибудь удѣла, туда посылался намѣстникъ въ качествѣ представителя княжеской власти. Впослѣдствіи, когда стало крѣпить новое административное дѣленіе на уѣзды и волости, въ города съ уѣздами посылались намѣстники, а въ волости—волостели. Сплошь и рядомъ первыми намѣстниками были прежніе удѣльные князья. Въ такомъ случаѣ эта власть передавалась по наслѣдству. Бывало иногда, что и простые, нетитулованные намѣстники передавали свои должности по наслѣдству, но эта преемственность власти всегда зависѣла отъ усмотрѣнія князя. Въ нормальныхъ случаяхъ намѣстничество и волостельство давались на нѣсколько лѣтъ, и назначеніе на эти должности являлось скорѣе наградой за службу, чѣмъ средствомъ проведенія опредѣленной центральной политики. Намѣстники и волостели не получали никакого жалованья. Они кормились за счетъ населенія. При краткосрочности кормленія любой изъ агентовъ власти старался накормиться какъ можно сытнѣе, и неудивительно, что повсюду раздавались жалобы на дѣйствія намѣстниковъ. Неудобство такой организациі провинціального управленія стало сознаваться и великокняжеской властью, которая, не прикасаясь пока къ самому институту намѣстничества, пыталась защитить населеніе отъ злоупотребленій власти со стороны правительственныхъ агентовъ.

Съ этой цѣлью великокняжеской властью издавались такъ-называемыя намѣстничьи уставныя грамоты. Задача ихъ

—опредѣлить болѣе точно матеріальныя отношенія намѣстниковъ и волостей къ населенію. Прежде всего грамота опредѣляла „кормъ“. Онъ состоялъ изъ добровольныхъ натуральныхъ приношеній при въѣздѣ административнаго агента и таксированныхъ поборовъ на Рождество, Пасху и Петровъ день. Въ пользу администраціи шли торговыя и судебныя пошлины. „Выводная куница“—особая брачная пошлина—также поступала въ распоряженіе администраціи. Уставныя грамоты опредѣляли и количество тѣхъ „тіуновъ“, которыхъ правительственный агентъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи, и, кромѣ того, размѣры того вознагражденія, которое они получали за свой трудъ со стороны населенія. Такимъ образомъ, уставныя грамоты были первымъ шагомъ къ осуществленію государственныхъ задачъ въ устройствѣ провинціального управленія. Съ опубликованіемъ Судебника 1497 г. намѣстники стали дѣлиться на „намѣстниковъ“ съ „боярскимъ судомъ“ и безъ такового. Первые рѣшали безъ доклада всѣ уголовныя дѣла и, кромѣ того, всѣ дѣла по холопству. Изъ компетенціи вторыхъ были изъяты дѣла по холопству, а уголовныя дѣла переносились на докладъ въ Москву. Юрисдикція намѣстниковъ и волостей распространялась далеко не на все населеніе. Отъ нея были освобождены всѣ лица, владѣвшія льготными судебными жалованными грамотами. Въ общемъ всѣ эти правительственныя мѣропріятія сравнительно мало внесли новаго въ устройствѣ провинціального управленія, да и самая организація попрежнему отличалась аристократическимъ характеромъ, необходимость измѣненія котораго уже съ нѣкоторыхъ поръ стала сознаваться московскими государями.

И организація центрального управленія отличалась тоже „аристократизмомъ“ и не могла быстро удовлетворять возникавшія потребности и нужды государства. Московскій князь обыкновенно управлялъ страной совмѣстно съ Боярской Думой, мало-по-малу превратившейся въ главный органъ центрального управленія, которому приходилось разрѣшать сложные вопросы внутренней и внѣшней политики. По составу—она попрежнему аристократична, хотя право посѣщенія за сѣданій Думы соединялось съ чиномъ „боярина“ и „окольничаго“, обыкновенно дававшихся первостепенной знати. Тѣмъ не менѣе и Боярская Дума новаго состава сохранила свои преж-

нія аристократическія привычки и смотрѣла на свое участіе въ Думѣ какъ на прирожденное право, а не на милость государя. Боярская Дума, являясь защитницей интересовъ родовитой знати, зорко слѣдила за всѣми перипетіями княжеской политики и была живымъ примѣромъ „феодализаціи“ государственной власти. Конечно, борьба государей за неограниченную власть съ остатками удѣльной старины должна была такъ или иначе коснуться и Боярской Думы.

Московскіе князья, ставъ „національными“ государями, довольно рано усвоили, правда, нѣсколько теоретически, сущность монархической самодержавной власти, такъ же рано почувствовали невозможность осуществленія ея во всей полнотѣ при существованіи пережитковъ удѣльной старины. Однако ни Иванъ III, ни его сынъ Василій III не рѣшились прямо вступить съ ними въ послѣднюю борьбу, хотя и не скрывали своего настоящаго къ ней отношенія. Осуществить же это удалось только Ивану Грозному. Конечно, главная причина этого заключается не въ личномъ настроеніи московскаго царя и не въ недовольствѣ его боярами, хотя несомнѣнно дѣтскія впечатлѣнія оставили въ его душѣ весьма горькій осадокъ и укрѣпили въ ней ненависть къ боярамъ, главнымъ виновникамъ того, что царская власть въ своихъ дѣйствіяхъ была далеко не „самодержавна“. На путь борьбы съ „феодализаціей“ власти толкнули Грознаго не воспоминанія дѣтства и не только одно раздраженное и оскорбленное самолюбіе. Недовольство общества создавшимися политическими отношеніями и новый взглядъ на власть, благодаря которому государь—защитникъ и блюститель народныхъ интересовъ— вотъ основныя причины полнаго крушенія остатковъ удѣльной страны. Несомнѣнно, самъ Грозный обладалъ крупными талантами государственнаго дѣятеля, и, если ему не удалось столь спокойно,—хотя и неменѣе жестоко,—какъ Людовику XI, уничтожить остатки удѣльной эпохи, то, конечно, этому значительно помѣшала та страстность характера, которая вообще была присуща Грозному. Общественныя же группы имѣли полное основаніе желать укрѣпленія „самодержавной власти“. Церковь боялась за свои церковныя имущества, на которыя съ немалой завистью посматривало боярство. Поддерживая неограниченную власть и укрѣпляя ее своимъ авторитетомъ,

церковь хотѣла остаться собственницей своихъ земельныхъ богатствъ, не замѣчая, однако, того, что рано или поздно окрѣпнувшій абсолютизмъ не допуститъ существованія исключительныхъ привилегій церкви. Постепенно образовавшійся военно-служилый классъ имѣлъ всѣ основанія быть недовольнымъ существовавшими политическими отношеніями, благодаря которымъ его политическое положеніе не соответствовало его фактическому значенію въ государствѣ. Только съ разрушеніемъ пережитковъ старины и укрѣпленіемъ самодержавной власти московскихъ государей можно было надѣяться на существенныя перемѣны въ его положеніи. Къ тому же стремился и формировавшійся съ конца XV вѣка торгово-промышленный классъ. Царившій въ странѣ произволъ, конечно, сильно задерживалъ развитіе увеличивавшагося товарообмѣна. Да и произволъ провинціальной администраціи по отношенію къ торгово-промышленному классу тоже дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. Поэтому торгово-промышленный классъ въ укрѣпленіи власти московскихъ государей видѣлъ единственное средство для уничтоженія тѣхъ препятствій, которыя сильно тормозили торговые операціи и парализовали хозяйственную дѣятельность промышленнаго класса.

Царствованіе Грознаго началось съ торжества самой безудержной феодальной реакціи. Боярство ни въ чемъ себя не стѣсняло, словно желало удовлетворить себя за приниженное политическое состояніе при предшественникахъ Грознаго. Но боярство эпохи дѣтства Грознаго не сумѣло проникнуться сословнымъ самосознаніемъ и закрѣпить за собою формальнымъ актомъ право на постоянное участіе въ управленіи государствомъ. Наоборотъ, обострившаяся партійная борьба между боярскими фамиліями, постоянныя злоупотребленія боярской олигархіи ослабляли вліяніе боярства и вызывали въ то же время „слезы и рыданія и вопль по всей русской землѣ“. Среди полнѣйшаго разлада, охватившаго боярскіе круги, сталъ управлять государствомъ молодой Иванъ. Его участіе въ управленіи государствомъ началось довольно рано. Грозный могъ лично убѣдиться въ царившемъ повсюду произволѣ и воочию рассмотреть отношеніе бояръ, какъ между собою, такъ и по отношенію къ нему. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній у Грознаго создавалось представленіе о захватѣ власти со сто-



Иванъ IV.

роны боярства, а тщательное знакомство съ церковно-исторической литературой того времени укрѣпило его въ этой мысли и дало ему возможность составить себѣ новое представление о характерѣ государственной власти, ея задачамъ и цѣлямъ.

Въ 1543 г. Грозный заявилъ боярамъ о своемъ желаніи самостоятельно управлять государствомъ, при чемъ рѣзко порицалъ бояръ за ихъ незаконные поступки. Въ 1547 году Иванъ принимаетъ царскій титулъ. Все это указывало на усиленную работу политической мысли молодого государя. Московскій пожаръ 12 апрѣля 1547 года и связанныя съ нимъ волненія еще больше укрѣпили Грознаго въ необходимости самому приняться за управленіе государствомъ и поскорѣе осуществить взлелѣанный имъ въ молодости политическій идеаль. Принявшись за самостоятельное управленіе государствомъ, Грозный обнаружилъ стремленіе опереться на иные общественные круги. Для этой цѣли около него возникла такъ-называемая „избранная рада“. Въ нее вошли священникъ Сильвестръ, ложничій Адашевъ—люди все незнатнаго происхожденія, пресвитеръ Андрей Протопоповъ, бывшій троицкій игумень Артемій, князь Курбскій, митрополитъ Макарій. Большинство изъ нихъ не входило въ составъ Боярской Думы и готово было осуществить идеаль неограниченной власти, взлелѣанный Грознымъ. Съ другой стороны, нежеланіе пока разрывать свои отношенія съ боярствомъ заставило Грознаго принять въ число своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и представителей аристократіи, такъ что составъ „рады“ получился очень пестрый. Во всякомъ случаѣ, это была первая попытка Грознаго порвать официально съ Боярской Думой и построить управленіе государствомъ на нѣсколько иныхъ принципиальныхъ основаніяхъ. Трудно сказать, какое вліяніе въ дѣйствительности оказывала „рада“ на Грознаго. Впослѣдствіи Грозный обвинялъ участниковъ ея Сильвестра и Адашева въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, въ раздачѣ помѣстій и вотчинъ, въ захватѣ власти. Но это обвиненіе позднѣйшаго характера, и къ нему слѣдуетъ относиться съ извѣстной осторожностью. Во всякомъ случаѣ при помощи „избранной рады“ были начаты реформы, положившія начало систематическимъ мѣропріятіямъ правительства, направленныхъ противъ удѣльныхъ пережитковъ. Необходимость радикальныхъ преобразованій отчетливо сознавалось правительствомъ. Опубликованіе новаго Судебника, рядъ вопросовъ церковно-государственнаго характера, поднятыхъ Грознымъ на Стоглавомъ соборѣ говорили о реформаціонномъ настроеніи правительства. Реформы прежде всего

коснулись провинціального управленія. Были отмѣнены должности намѣстниковъ и волостелей. Ихъ функціи переданы въ руки губныхъ и земскихъ учреждений. Населеніе неоднократно жаловалось на „засилье“ со стороны намѣстниковъ и волостелей, преслѣдовавшихъ только свои личные интересы, а между тѣмъ усиливались грабежи и разбои. Правительство приняло во вниманіе жалобы населенія и даровало населенію, такъ-называемыя, „губныя грамоты“, благодаря которымъ изъ компетенціи провинціальной администраціи исчезало преслѣдованіе разбойниковъ и судъ надъ ними и передавалось населенію, съ правомъ предавать ихъ смертной казни. Губныя грамоты стали выдаваться съ 1538 г. и къ половинѣ XVI вѣка стали повсемѣстнымъ явленіемъ, за исключеніемъ сѣверныхъ городовъ. Сначала дарованіе „губной грамоты“ являлось льготой населенію, но впослѣдствіи губныя учрежденія вводились повсюду, если даже само населеніе не просило объ этомъ. Сначала были отдѣльные губные староста въ городахъ и волостяхъ, а затѣмъ на весь уѣздъ устанавливается одно губное вѣдомство. Населеніе территориального округа „губы“ выбирало „губного старосту“ изъ среды дворянъ или дѣтей боярскихъ. Кромѣ того, изъ среды тяглаго населенія избирались „старосты, десятскіе, цѣловальники, дьяки“. Всѣ вмѣстѣ они составляли „губную избу“, вѣдавшую „разбойныя“ дѣла. Вводя „губную реформу“, правительство возложило на выборщиковъ отвѣтственность за дѣйствія своихъ избранниковъ. Губная реформа въ общемъ была встрѣчена населеніемъ въ высшей степени сочувственно, во многомъ она содѣйствовала уничтоженію аристократическаго элемента въ управленіи государствомъ, хотя, конечно, Боярская Дума, вводившая эти учрежденія и не имѣла этого въ виду. Окончательный же ударъ аристократизму въ управленіи былъ нанесенъ введеніемъ земскихъ учреждений. Это была грандіозная попытка связать населеніе провинціи непосредственно съ центромъ, путемъ предоставленія населенію нѣкоторой самостоятельности усилить централизацію власти, значительно подорванной областной самостоятельностью намѣстниковъ. Начало введенія земскихъ учреждений было положено челобитьями самого населенія объ избавленіи отъ намѣстниковъ. Правительство въ отвѣтъ на „чело-

битья“ выдавало ему уставную земскую грамоту, согласно которой отменялось намѣстничье управленіе и вводились земскія учрежденія. Сначала отмена намѣстничьяго управленія являлась только привилегіей для той или другой мѣстности, за что населеніе должно было уплатить правительству „откупную“ сумму. Древнѣйшія уставныя грамоты относятся къ 1551 году. Въ 1555 году земская реформа была проведена, кажется, повсемѣстно, за исключеніемъ пограничныхъ городовъ. Опубликованіе уставной „земской грамоты“ вело къ отмене намѣстничьяго управленія. Населенію предоставлялось право выбирать своихъ излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ изъ городскихъ и уѣздныхъ людей съ предоставленіемъ имъ всѣхъ намѣстничьихъ функцій, но зато избиратели были отвѣтственны за дѣйствія своихъ избранныхъ и были связаны круговой порукой. Кромѣ того, населеніе вносило въ казну особый оброкъ „за намѣстничьи и за волостные доходы и за присудъ и за пошлинныхъ людей“. Реформа намѣстничьяго управленія, несомнѣнно, усилила значеніе власти, ставшей теперь въ непосредственныя отношенія къ населенію, а круговая порука обезпечила правительству правильное управленіе правосудія и сборъ прямыхъ налоговъ. Реформу Грознаго, конечно, нельзя назвать „введеніемъ земскаго самоуправленія“. Это—только передача функцій единоличнаго органа коллективному — цѣлому, связанному въ своихъ дѣйствіяхъ предписаніями центральнаго правительства. Реформа Грознаго—это своеобразная коллективная централизація, уничтожившая аристократизмъ провинціального управленія. Это и было началомъ разгрома аристократическихъ элементовъ общества. Это—первый шагъ къ осуществленію идеала самодержавной монархіи.

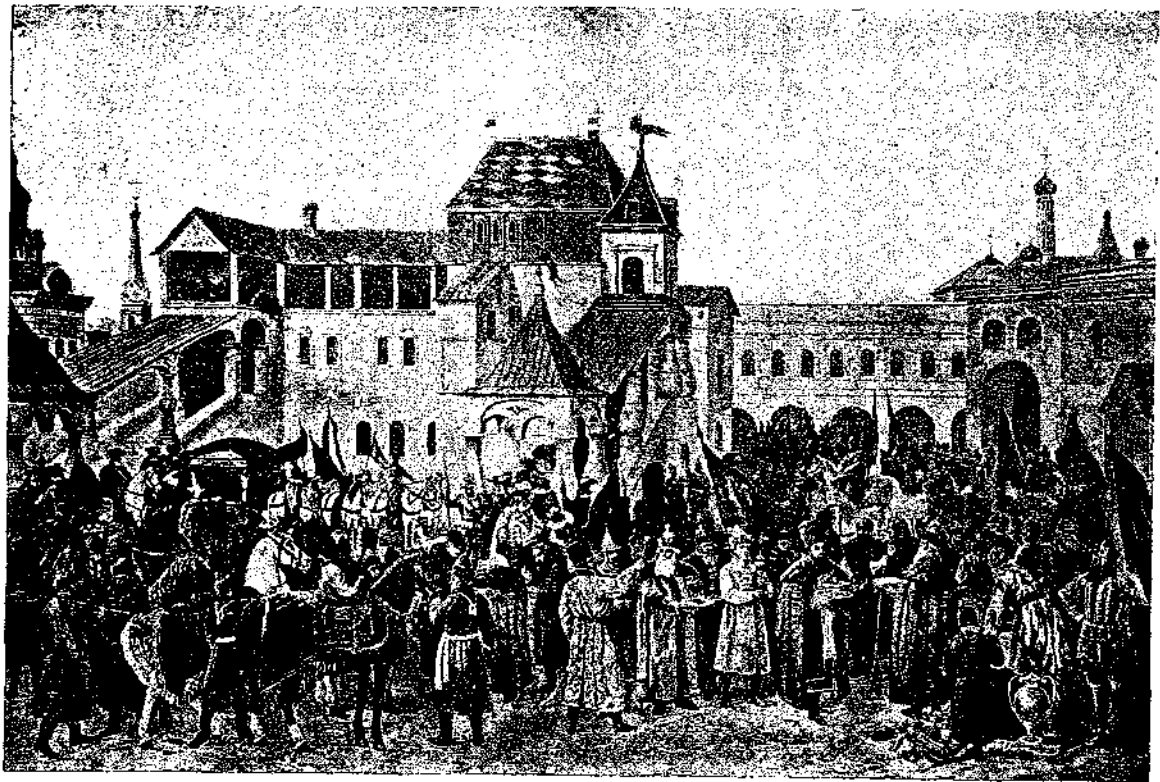
Растущее самодержавіе выдвигало на первую очередь необходимость реформы центральныхъ учрежденій. Старые правительственные приемы уже не достигали своей цѣли, когда Москва изъ удѣла выросла въ Московское государство, когда сильно осложнились общія задачи внутренней и виѣшней политики, когда выяснилась скудость того административнаго аппарата, съ помощью котораго удовлетворяли свои правительственныя заботы московскіе удѣльные князья. Съ превращеніемъ московскаго удѣльнаго князя въ представи-

теля интересовъ всей великорусской народности, конечно, долженъ былъ прежде всего измѣниться составъ того правительственнаго совѣта, совмѣстно съ которымъ московскій удѣльный князь велъ свое незамысловатое вотчинное хозяйство. Правительственный совѣтъ удѣльной эпохи состоялъ изъ управителей отдѣльныхъ отраслей дворцоваго хозяйства или дворцовой администраціи; назывались они „боярами“ и прежде всего были совѣтчиками князя по хозяйственнымъ дѣламъ. Съ образованіемъ Московскаго государства существеннымъ образомъ измѣнился составъ княжеской думы. Въ составъ ея вошли, помимо московскаго боярства, представители княжескихъ фамилій, потерявшихъ свои суверенныя права, но зато сохранившихъ большія родовыя владѣнія съ правомъ суда, сбора податей, предводительства населеніемъ во время войны. Благодаря новымъ членамъ изъ титулованной знати, Боярская Дума превращается изъ хозяйственно-правительственнаго совѣта въ аристократическое учрежденіе, члены котораго имѣли опредѣленный взглядъ на свои отношенія къ государю и открыто заявляли о своемъ желаніи управлять государствомъ совмѣстно съ московскимъ государемъ, однако, не замѣчая противорѣчій между своими правительственными аппетитами и своимъ дѣйствительнымъ положеніемъ въ государствѣ на правахъ „невольныхъ слугъ“. Впрочемъ, это противорѣчіе было скоро замѣчено московскимъ княземъ, стремившимся въ управленіи государствомъ обходиться безъ помощи притязательныхъ аристократическихъ совѣтниковъ. Иванъ III и Василій III сплошь и рядомъ рѣшали дѣла „самъ третей у постели“, прибѣгая къ совѣту „худородыхъ“ дѣльцовъ, точныхъ исполнителей великокняжеской воли, и вызывая тѣмъ самымъ безсильную злобу среди наиболѣе чуткихъ членовъ Боярской Думы, чувствовавшихъ приближеніе момента полнаго крушенія всякаго рода аристократическихъ притязаній. Однако, ни Иванъ III, ни его сынъ не измѣнили состава аристократической коллегіи. Только съ конца XV и начала XVI вѣка стали проникать въ Думу представители не аристократическихъ фамилій. Не будучи многочисленны въ Думѣ, они, конечно, не измѣнили общаго тона Боярской Думы, но самое ихъ появленіе уже опредѣленно обнаруживало намѣреніе прави-

тельства видѣть въ Боярской Думѣ не аристократическій совѣтъ съ нѣскольکو запоздалыми притязаніями на власть, а учрежденіе, которое, состоя изъ опытныхъ дѣльцовъ, дѣйствительно помогало своему государю въ осуществленіи его воли. Этимъ и объясняется введеніе въ думу „думныхъ дьяковъ“, людей, завѣдывавшихъ весьма важными отраслями въ дѣлѣ государственнаго управленія.

Такая демократизація Боярской Думы съ одной стороны, а съ другой — медленное превращеніе ея въ правительственный органъ самого государя не встрѣчали никакой оппозиціи среди боярь-княжатъ. Засѣдая въ Боярской Думѣ и громко заявляя о своемъ желаніи управлять государствомъ совмѣстно съ княземъ, они не сумѣли образовать изъ себя сильную, политически-единую группу, которая диктовала бы свои требованія московскимъ государямъ и подчиняла бы ихъ своей волѣ и своимъ намѣреніямъ. Относясь съ подозрѣніемъ другъ къ другу, занятые разборомъ крайне сложныхъ мѣстническихъ счетовъ, бояре-княжата представляли собою въ политическомъ отношеніи настолько слабую величину, что никакъ не могли затормозить дѣйствія власти московскихъ государей, явно клонившіяся къ ихъ невыгодѣ. Слабость боярь-княжатъ особенно почувствовалъ Грозный. Не даромъ онъ искусной рукой создавалъ мѣстническіе споры и, не мѣшая боярамъ тратить время на сложное вычисленіе родовыхъ генеалогій и служебныхъ назначеній, незамѣтно укрѣплялъ свою позицію—самодержавнаго государя. Параллельно росту Московскаго государства появлялись и новыя центральныя учрежденія. Въ удѣльную эпоху можно было вполне обходиться и безъ нихъ. Управленіе удѣломъ было несложно и все сводилось къ порученію тому или другому боярину—завѣдывать какой-нибудь отраслью управленія или хозяйства. Съ образованіемъ Московскаго государства итти по тому же пути было невозможно. Слишкомъ сложны и разносторонни стали задачи управленія страной. Одно лицо уже не могло управиться съ порученнымъ ему дѣломъ. Необходимы были помощники, которые вѣдали бы канцелярію и архивъ. Благодаря этому, личное порученіе превращалось въ учрежденіе—приказъ, и „центръ тяжести переходилъ съ лица на дѣло“, какъ это правильно подмѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ

ислѣдователей. Переходъ отъ лица къ учрежденію совершался очень медленнымъ темпомъ, и только къ половинѣ XVI вѣка приказная практика достигла значительнаго развитія. Ставя во главѣ приказовъ людей незнатнаго происхожденія, московскій государь находилъ въ ихъ лицѣ вѣрныхъ и дѣльныхъ слугъ, готовыхъ исполнять его волю и поддерживать его авторитетъ. Обязанные своимъ положеніемъ только „волѣ“ государя, они привыкали цѣнить только ее и видѣли только въ ней опору своего положенія въ странѣ. Приобрѣтая въ лицѣ этихъ выслужившихся дѣльцовъ вѣрныхъ помощниковъ, московскій государь имѣлъ полную возможность централизовать управление и распространить его дѣйствіе на всю страну, благодаря чему усиливались авторитетъ и власть московскаго государя и отступала на задній планъ Боярская Дума. Среди приказовъ XVI вѣка выдѣлялись—„Посольскій приказъ“, вѣдавшій всѣ дѣла по сношеніямъ съ иностранными государствами, „Разрядный приказъ“, вѣдавшій служилое сословіе, „Разбойный приказъ“, въ вѣдѣніи котораго находились уголовныя дѣла и т. д. Ихъ количественный ростъ всецѣло зависѣлъ отъ нараставшихъ нуждъ правительства. Обыкновенно во главѣ „большихъ приказовъ“ находились „бояре и окольничіе“, во главѣ второстепенныхъ приказовъ находились землевладѣльцы незнатнаго происхожденія. Но фактической главой приказа былъ „дьякъ“. Онъ — душа приказа. Онъ завѣдуетъ его канцеляріей. Набившій себѣ руку въ рѣшеніи разнаго рода дѣлъ, онъ диктуетъ начальникамъ приказовъ свои резолюціи, тѣмъ болѣе, что послѣдніе часто смѣнялись и долго не засиживались на посту начальника того или иного приказа. Правительство, учитывая практическую сноровку дьяковъ, и ввело нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Думу въ качествѣ докладчиковъ по дѣламъ своего приказа, но съ совѣщательнымъ голосомъ. Впослѣдствіи они получали званіе „думнаго дворянина“ или „окольничаго“, благодаря чему неродовитый человѣкъ становился рядомъ со знатію съ той лишь разницей, что его политическій вѣсъ больше значилъ вліянія аристократіи. Кромѣ того, самый принципъ возвышенія по волѣ государя неродовитаго человѣка находился въ полномъ противорѣчій съ аристократическими традиціями бояръ и княжатъ, съ убѣжденіемъ, что „отечество“ государь



Посольскій дворъ. (Картина находится въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ).

не воленъ жаловать, тогда какъ выслужившіеся приказные дѣльцы проводили мысль совершенно противоположнаго характера: „государь, какъ Богъ, и малаго чинить великимъ“. Приказная система нанесла большой ударъ политическому вліянію боярства. Она обезсилила его, но не разбила его. Но зато учрежденіемъ такъ-называемой „опричины“ Грозный нанесъ ей ударъ такой страшной силы, отъ котораго она не могла никогда оправиться и который окончательно лишилъ аристократію ея политическихъ притязаній.

Конфликтъ московскихъ государей съ боярствомъ изъ-за его притязаній на власть все болѣе и болѣе обострялся къ половинѣ XVI вѣка. Чувствовалось, что обѣ стороны готовы вступить въ рѣшительное сраженіе изъ-за власти и вліянія. Эта аристократія, съ ея политическими требованіями, особенно давила Грознаго. Проникнутый идеями абсолютизма, Грозный хотѣлъ въ дѣйствительности осуществить идеаль абсолютнаго монарха, но для этой цѣли нужно было сломить бояръ и княжатъ. Такимъ орудіемъ борьбы съ ними и явилась знаменитая „опричина“. Внѣшняя ея исторія хорошо извѣстна, и мы не будемъ ее снова повторять. Долгое время историки не понимали истиннаго смысла опричины. Одни считали причину учрежденіемъ, смыслъ котораго не понимали ни тѣ, кто отъ нея страдалъ, ни тотъ, кто ее учреждалъ. Другіе объясняли „нелѣпное раздѣленіе государства на двѣ части исключительно разстроеннымъ воображеніемъ Грознаго, желавшаго отдѣлиться отъ ненадежнаго, на его взглядъ, боярскаго правительственнаго класса. „Впрочемъ, попадались въ литературѣ и инныя мнѣнія; лица, ихъ высказывавшія, видѣли въ этомъ правительственномъ актѣ не работу больного воображенія царя, а сознательное дѣйствіе, направленное противъ политическихъ притязаній княжеской аристократіи. Извѣстному историку С. Ф. Платонову путемъ тщательнаго анализа архивнаго матеріала удалось доказать, что опричина—не плодъ разстроеннаго царскаго воображенія, а орудіе для нанесенія послѣдняго удара политическимъ притязаніямъ княжатъ. Имъ было подмѣчено, что отобраніе вотчинъ въ опричину производилось по извѣстному плану и, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились родовыя вотчины бояръ-княжатъ. Земли, отобранныя въ опричину, отдавались другимъ



Посольскій приказъ.

(Кар. XVII в.).

землевладѣльцамъ, а собственники ихъ могли хлопотать о надѣленіи земель въ другихъ частяхъ государства. Такая перетасовка земельной собственности, исходившая изъ принципа абсолютной власти, нашедшей полное выраженіе въ опричиннѣ, имѣла громадное вліяніе на экономическое и политическое положеніе княжеской аристократіи. Конфискація земель окончательно разорила потомковъ удѣльныхъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнила ихъ политическое значеніе: съ отобраніемъ въ казну ихъ имѣній, прерывались нити, связывавшія населеніе съ землевладѣльцемъ-княземъ, который, получая земли въ другомъ мѣстѣ, но съ соизволенія верховной власти, терялъ привилегіи, сохранившіяся какъ пережитокъ удѣльной старины. Благодаря такой ломкѣ вотчиннаго землевладѣнія, исчезла раздробленность власти. Правда, въ опричинну были отобраны и иные города и волости, но при перепискѣ ихъ на царя обыкновенно принимали во вниманіе экономическое развитіе города и значеніе его, какъ хозяйственнаго центра. Такъ, благодаря опричиннѣ совершался процессъ обособленія княжатъ отъ населенія, а вмѣстѣ съ этимъ аристократическія притязанія боярства превращались въ воспоминаніе прошлаго. Въ опричиннѣ не было мѣстничества, не было „Божьей Думы“. Царь всѣ дѣла рѣшаетъ съ ближайшими совѣтниками. Правда, въ „земщинѣ“ оставалась Боярская Дума, но ея вліяніе распространялось только на половину государства, да и этой частью она управляла „съ доклада“ государю. Къ тому же появленіе во второй половинѣ XVI вѣка земскихъ соборовъ можно разсматривать, какъ попытку приблизить къ престолу широкіе слои служилой массы. Конечно, новое учрежденіе должно было подорвать значеніе Боярской Думы, такъ какъ многіе вопросы первостепенной важности стали разсматриваться на земскихъ соборахъ. Сбитая съ позиціи и экономически разоренная, удѣльная аристократія не могла оказать никакого сопротивленія царскому произволу, но зато затаила въ своей душѣ ненависть къ неограниченной власти московскихъ государей. Да и для политическаго міровоззрѣнія боярства времена Грознаго прошли не безслѣдно, а политика его преемниковъ только укрѣпила ихъ въ той мысли, что необходимо юридически оформить свои отношенія къ верховной власти, что и опредѣлило поведеніе аристократіи во время смуты.

Народное хозяйство въ XVI вѣкѣ.

Московское государство къ концу XVI вѣка состояло изъ ряда земель, существенно отличавшихся другъ отъ друга своими почвенными и климатическими особенностями. Съ этой стороны изслѣдователи народнаго хозяйства въ XVI вѣкѣ дѣлятъ все государство на слѣдующія области: Замосковный край, территорію стараго Московскаго и Владимірскаго княжествъ, мѣстность, въ которой населеніе почти исключительно занималось земледѣліемъ, и гдѣ въ серединѣ XVI вѣка пустило весьма глубокіе корни частное, духовное и свѣтское землевладѣніе. Изученіе писцовыхъ книгъ показало преобладаніе на этой территоріи монастырскаго землевладѣнія. Такъ, можно считать, что въ Московскомъ уѣздѣ въ рукахъ монастырей находилось до 44% всей пахотной земли, около 34%—въ рукахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, остальная земля въ рукахъ чернаго и дворцоваго крестьянства. Къ Замосковному краю съ юго-востока примыкали такъ-называемые „Рязанскіе города“, составлявшіе территорію прежняго Рязанскаго княжества. Въ этой территоріи земельное распределеніе напоминало собою Московскій уѣздъ. Къ западу отъ нихъ шли „Украинскіе города“, за чертою которыхъ начиналось „дикое поле“, еще дальше къ западу, между верхней Окой и ея притоками, находились такъ называемые „Заоцкіе города“, имѣвшіе огромное значеніе, какъ военные центры, такъ какъ опасность нашествія съ юга еще не исчезла въ XVI вѣкѣ. По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины были расположены города „отъ Литовской украины“, терявшіе свое прежнее значеніе военныхъ центровъ по мѣрѣ того, какъ исчезла боязнь вражескаго нашествія съ запада. Къ юго-востоку отъ нихъ лежали „сѣверскіе города“, еще дальше къ сѣверу отъ нихъ—города „отъ Нѣмецкой украины“—Новгородъ и Псковъ со своими пригородами. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ землевладѣніе носило иной характеръ, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ. Здѣсь не было крупнаго вотчиннаго монастырскаго землевладѣнія. Здѣсь—царство мелкаго землевладѣнія, по преимуществу военно-служилаго, развитіе котораго, конечно, объяснялось предпринятыми правительствомъ мѣрами по оборонѣ страны. Наконецъ, бывшія сѣверныя владѣнія Новгорода

—съ Вяткой, Пермью и Подвиньемъ составляли Поморье, край богатый лѣсами, мѣстность, въ которой почти не было служлага землевладѣнія, территорію, на которой правильное земледѣліе было немислимо по климатическимъ условіямъ, и гдѣ населеніе широко эксплуатировало природныя богатства. Наконецъ, города по средней и нижней Волгѣ, на мѣстѣ прежнихъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, составляли группу Понизовыхъ городовъ, для сокращенія называвшихся „Низомъ“. Это была мѣстность съ богатѣйшими почвенными условіями, обиліемъ разнаго рода промысловыхъ угодій, издавна притягивавшая къ себѣ и крестьянина, и крупнаго вотчинника, безразлично—духовнаго или свѣтскаго. Въ первой половинѣ XVI вѣка во всѣхъ этихъ областяхъ безраздѣльно царило натуральное хозяйство. Каждое изъ хозяйствъ представляло собою замкнутую въ экономическомъ отношеніи единицу, самостоятельно удовлетворявшую свои нужды и потребности. Такой натурально-хозяйственный укладъ не исключалъ возможности большаго или меньшаго развитія внутренней торговли по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Но этотъ обмѣнъ нисколько не измѣнялъ общаго тона хозяйственнаго уклада страны. Въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало сельское хозяйство, даже на крупныхъ вотчинахъ, велось мелкое хозяйство при полномъ почти отсутствіи собственной барской запашки. Земля вся находилась въ рукахъ арендаторовъ, обязанныхъ вносить собственнику земли опредѣленную арендную плату, которая обыкновенно вносилась натуральными продуктами,—лучшій показатель неразвитости экономическихъ отношеній и отсутствія рынка для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Такой же примитивной по своей организаціи была обрабатывающая промышленность. Разбросанные по деревнямъ кустари и ремесленники приготовляли свои нехитрые фабрикаты—орудія труда, утварь, одежду—и сбывали ихъ на мѣстныхъ рынкахъ. Впрочемъ, большая часть населенія почти все необходимое для себя и своего хозяйства дѣлала собственными руками. Благодаря примитивнымъ экономическимъ отношеніямъ, въ странѣ почти не было въ обращеніи денегъ, и онѣ стоили дорого. Бывшая на-лицо монета ушла въ орду, а прилива новаго металла почти не замѣчалось. Въ половинѣ XVI в. начинаютъ ломаться старыя хозяйственныя отношенія. Посте-

ленно усиливается внутренній и внѣшній товаро-обмѣнъ. Страна опять вступаетъ въ торговыя сношенія съ Западомъ, такъ какъ съ открытiемъ Америки, когда Ганзейскій торговый путь потерялъ свое прежнее значенiе, пала внѣшняя торговля Новгородѣ, независимо отъ политики Ивана III и его сына. Въ 1553 году картина нѣсколько мѣняется. Московское государство вступаетъ въ торговыя сношенія съ европейскимъ рынкомъ, съ англичанами, черезъ Бѣлое море. Благодаря этому стало усиливаться торговое значенiе Архангельска. Вся дорога по направленiю къ Архангельску покрылась цѣлой сѣтью большихъ и малыхъ городовъ, какъ то: Вологда, Ярославль, Холмогоры. Поставщиками продуктовъ являлись мѣстности центральной полосы, на которой и возникали большія и малыя торжища, куда населенiе привозило свои продукты на продажу, откуда они направлялись въ Москву, а изъ нея по зимней дорогѣ—къ Архангельску. Развитие внутренняго товаро-обмѣна зависѣло не только отъ появленiя большой емкости внѣшняго рынка. Стали возникать сельско-хозяйственные рынки для удовлетворенiя потребностей самого населенiя. Въ этомъ отношенiи большимъ рынкомъ являлась Новгородско-Псковская земля, гдѣ населенiе перешло къ культурѣ техническихъ растений, рассчитанныхъ на сбытъ за границу. Немало образовалось такихъ рынковъ въ Поморьѣ и сѣверной части Замосковья. Благодаря этому область сельско-хозяйственной культуры подвинулась немного къ югу и юго-востоку, въ полосу богатѣйшаго чернозема, который до сихъ поръ лежалъ безъ обработки или подвергался хищнической эксплуатаціи. Такъ создавался большой внутренній рынокъ. Съ развитiемъ заграничной торговли въ страну прилило немало денегъ. Послѣднія сразу пали въ цѣнѣ. Рубль середины вѣка сталъ дешевле вдвое въ сравненiи съ началомъ вѣка и вдвое дороже цѣнности рубля конца вѣка *). Усиленiе внутренняго и внѣшняго товаро-обмѣна и усиленiе денежнаго обращенiя имѣло огромныя послѣдствiя для населенiя и самаго сельскаго хозяйства. Прежде всего и государство, и частный владѣлецъ уже не довольствуются натуральной арендой. Имъ нужны деньги. Государству онѣ нужны для далекихъ походовъ, для содержанiя

*) Въ началѣ вѣка—100 вын. рублей

его приказной администраціи. Землевладельцы, обязанные нести военную службу, также нуждались въ деньгахъ. Отправляясь въ дальніе походы, они хотѣли имѣть этотъ ходкій товаръ при себѣ, какъ весьма удобное средство для обмѣна разнаго рода цѣнностями. Поэтому государство большую часть натуральныхъ повинностей переводитъ на деньги, а помещикъ натуральную форму оброка—частью или полностью замѣняетъ деньгами *). Возможность сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ на рынокъ заставляетъ собственниковъ увеличивать размѣры своей запашки, для эксплуатаціи которой уже не хватало труда холоповъ. Собственники и привлекаютъ къ этому дѣлу крестьянъ, обязанныхъ отправлять барщину то въ видѣ платежа за аренду земли, то въ видѣ уплаты процентовъ за ссуду, которую бралъ крестьянинъ у земельного собственника. Необходимость поднятія доходности хозяйства заставляетъ собственника прибѣгнуть къ интенсификаціи своего хозяйства, благодаря чему въ земледѣльческихъ увѣздахъ замѣчался переходъ отъ перелога къ трехполью, а въ другихъ мѣстахъ—отъ хищнической эксплуатаціи земли—къ перелогу. Новыя условія хозяйственной жизни въ странѣ медленно втягивали въ круговоротъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній и сельскую массу—крестьянство, все крѣпче и крѣпче связывавшее себя съ рынкомъ. Ему приходилось для уплаты государственныхъ и частновладельческихъ повинностей реализовать на деньги продукты своего хозяйства, подвергаться на каждомъ шагу постоянному колебанію цѣнности денегъ, уловить которое онъ былъ не въ силахъ, но которое давало себя чувствовать при платежѣ государственныхъ и частновладельческихъ повинностей. Всѣ эти явленія усиливали тяжесть экономическаго положенія крестьянина. Это сейчасъ же сказалось въ уменьшеніи размѣра земли, арендуемой крестьянами. Крестьяне теперь рѣдко арендуютъ выть, больше $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ выти и т. д. Отсутствие средствъ для заведенія хозяйства, разнаго рода бѣдствій заставляли крестьянина обращаться къ частно-владельческой „ссудѣ“ или „подмогѣ“, все болѣе и болѣе закабалявшей крестьянъ. Крестьяне не выносили тяжести создавшихся условій и оставляли свое хозяйство, перехо-

*) См главу „Сельское населеніе“.

диди на земли крупныхъ вотчинниковъ или попросту бѣжали на окраины государства. Уменьшеніе населенія было огромное: къ концу XVI вѣка въ Московскомъ уѣздѣ осталось только 25½% жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ сравненіи съ началомъ вѣка. Такое опустошеніе можно отмѣтить и по писцовымъ книгамъ Тверского уѣзда. Въ Новгородской области многіе волости и погосты совершенно опустѣли. Зато увеличилось населеніе на территоріи недавно завоеванныхъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и на юго-востокѣ. Отливъ рабочихъ рукъ создалъ невыносимыя условія для хозяйства. Была полная невозможность поддерживать хозяйство въ прежнемъ видѣ. Приходилось прибѣгать къ сокращенію запашки, возвращаться къ успѣвшей уже отжить свой вѣкъ технике, разоряться благодаря непроизводительной затратѣ капитала. Каковы были размѣры этого сельско-хозяйственнаго кризиса, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ имѣніи Троице-Сергіева монастыря, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, насчитывалось въ концѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка 4722 четвертей пашни, распаханной въ три поля, а въ 1596 году пашни осталось только 292 четверти, все остальное пространство поросло лѣсомъ. Конечно, этотъ кризисъ сильно подорвалъ вотчинное землевладѣніе: немало земель перешло въ руки тогдашняго банкира-монастыря. Въ общемъ экономическій кризисъ протягивалъ руку сословной политикѣ Грознаго и окончательно добивалъ бояръ-княжатъ, лишая опоры ихъ политическаго положенія—родовыхъ вотчинъ. Не менѣе страдало среднее и мелкое помѣстное землевладѣніе, такъ какъ съ бѣгствомъ крестьянъ на окраины или переходомъ на землю крупныхъ вотчинниковъ оно лишалось рабочихъ рукъ и было не въ силахъ отправлять свою военную повинность.

Военно-служилый классъ и помѣстное землевладѣніе.

Когда Москва изъ небольшого удѣла выросла въ большое государство, ей пришлось столкнуться со своими ближайшими сосѣдями—поляками, литовцами, шведами и татарами, съ которыми она вела рядъ войнъ то оборонительныхъ, то наступательныхъ. Въ теченіе XV—XVI вѣка Москва воевала

на сѣверѣ со Швеціей, на западѣ—съ Литвой и Ливонскимъ орденомъ, а на югѣ и юго-востокѣ—съ татарами. Такая энергическая внѣшняя политика требовала большого количества военныхъ силъ, вслѣдствіе чего и выдвинулся на первую очередь вопросъ объ образованіи военно-служилаго класса и средствахъ на его содержаніе. Первыя правительственныя попытки образованія военно-служилаго класса можно отмѣтить уже во второй половинѣ XV вѣка, но наиболѣе характерна въ этомъ отношеніи середина XVI столѣтія, когда началась систематическая вербовка людей изъ разныхъ общественныхъ слоевъ для образованія военно-служилаго класса. Послѣднее, конечно, стало возможнымъ только во второй половинѣ XVI вѣка благодаря наличности тѣхъ элементовъ, которые вошли въ его составъ. Съ образованіемъ Московскаго государства значительно увеличилась численность слугъ московскаго князя. Въ ихъ составъ входили потомки великихъ и малыхъ удѣльныхъ князей, добровольнымъ или насильственнымъ путемъ оставившихъ свои „княжескіе столы“ и принужденныхъ отдаться подъ покровительство московскаго князя. Туда же вошли княжескіе бояре и вольные слуги, вмѣстѣ съ князьями перешедшіе въ Москву. Туда же стали пріѣзжать на службу и иноземцы. Такъ, поступили на службу потомки Гедиминовичей — князья Трубедкіе, Мстиславскіе, Патрикѣвы, пріѣзжали татарскіе царевичи и мурзы со своими князьями. Отъ этихъ татарскихъ выходовъ образовался цѣлый рядъ дворянскихъ родовъ, какъ то: Годуновы, Мещерскіе, Сабуровы, Глѣбовы. Всѣ эти элементы и вошли въ составъ сформировавшагося военно-служилаго класса. Кромѣ выходцевъ литовско-польскихъ и татарскихъ, въ его составъ попало и нѣсколько выходцевъ изъ Западной Европы, ставшихъ появляться въ Москвѣ со времени Ивана III. Становились служилыми людьми и военно-плѣнные. Родословныя записи позднѣйшаго происхожденія говорятъ, что многіе изъ московскихъ дворянскихъ родовъ вели свое происхожденіе „отъ честныхъ мужей, вывзжихъ изъ пруссъ или изъ нѣмцевъ“. Кромѣ того, въ составъ того же класса попали и новгородскіе „своеземцы“, мелкіе земельные собственники, никому не служившіе. Впрочемъ, въ служилые списки были записаны наиболѣе состоятельные; владѣльцы же

небольшого количества дворовъ (одного—двухъ), сливались съ тяглыми людьми—крестьянами—и были обложены соответствующими налогами. Помимо этихъ элементовъ, военно-служилый классъ пополнялся частью бывшими дворцовыми слугами великихъ и малыхъ удѣльныхъ князей, боярскими дружинами—послужильцами. Принимались на временную службу или верстались въ постоянную даже казаки, уже достаточно зарекомендовавшіе себя антиправительственными выступлениями. По мѣрѣ увеличеній численности военно-служилаго класса постепенно вырабатывается дѣленіе его на нѣсколько разрядовъ чиновъ. Принадлежность къ тому или другому чину обуславливалась „служебной годностью“ и „происхожденіемъ, отечествомъ“ того или другого лица. Къ высшему разряду военно-служилаго класса принадлежали такъ-называемые „думные чины“, входившіе въ составъ высшаго правительственнаго учрежденія Боярской Думы. Къ думнымъ чинамъ принадлежали: бояре, окольные, думные дворяне. Обыкновенно въ составъ боярства входили крупнѣйшіе землевладѣльцы, потомки разныхъ аристократическихъ фамилій, еще не забывшіе старинныхъ удѣльныхъ порядковъ.

Званіе окольного обыкновенно доставалось потомству московскихъ бояръ. Наконецъ, послѣдній чинъ „думнаго дворянина“ жаловался государемъ лицамъ незнатнаго происхожденія, которыя „по своему отечеству“ никакъ не могли попасть въ боярскую думу. Къ среднему разряду военно-служилаго класса принадлежали „чины московскіе“. Сюда входили: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы *). Обыкновенно сынъ знатнаго челоуѣка начиналъ свою служебную карьеру съ чина стряпчаго или стольника, чтобы потомъ, въ недалекомъ будущемъ, получить званіе „окольного“, тогда какъ обыкновенный московскій дворянинъ, начавъ свою

*) Этотъ разрядъ служилыхъ людей былъ образованъ въ 1550 году, когда, по приказанію Грознаго, въ составъ столичнаго дворянства была включена избранная тысяча лучшихъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ. Наравнѣ съ старымъ столичнымъ дворянствомъ, они были испомѣщены въ Московскомъ и смежномъ съ нимъ уѣздахъ, не далѣе 70 верстъ отъ Москвы. Ихъ имена были записаны въ „Тысячную книгу“. Сначала московское дворянство дѣлилось на три статьи въ зависимости отъ родовитости его членовъ; впоследствии это дѣленіе въ концѣ XVI в. замѣнилось дѣленіемъ на чины.

службу съ „жильца“, могъ въ крайнемъ случаѣ дослужиться до чина стольника или стряпчаго. Служилые по „московскому списку“ были лучше вооружены и обмундированы сравнительно съ провинціальными служилыми людьми и составляли своего рода „царскую гвардію“. Наконецъ, къ чинамъ провинціальнымъ относились городовые или уѣздные дворяне — выборные, дѣти боярскія, городовые и дворовыя. Къ выборнымъ дворянамъ обыкновенно относились наиболѣе зажиточные и исправные по службѣ изъ среды провинціальныхъ землевладѣльцевъ. Обыкновенно выборныхъ дворянъ вызывали въ Москву для выполненія разнаго рода правительственныхъ порученій, и изъ ихъ среды пополнялся московскій списокъ „служилыхъ людей“. Переходъ изъ одного разряда въ другой былъ очень затруднителенъ для неродовитыхъ людей. Незнатное „отечество“ не пускало ихъ на высшія ступени іерархической служебной лѣстницы. Помимо „отчества“ переходу въ высшій разрядъ препятствовала и экономическая маломочность низшихъ элементовъ изъ среды военно-служилаго класса, такъ какъ пребываніе въ высшемъ разрядѣ требовало и большихъ экономическихъ ресурсовъ, которыхъ не могло быть у провинціального служилаго человѣка. Провинціальныя служилые люди также съ большимъ трудомъ дослуживались до чина „московскаго дворянина“, съ котораго обыкновенно начиналъ свою службу родовитый человѣкъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста численности военно-служилаго класса, „верстали и холоповъ и крестьянъ“. Но это были уже служилые люди по „прибору“.

Къ служилому классу можно отнести дьяковъ, подъячихъ и вообще приказныхъ людей, количественно значительно увеличившихся въ XVI вѣкѣ. Они набирались изъ числа „поповыхъ и дьяковыхъ дѣтей, торговыхъ людей, гостиныхъ и суконныхъ сотенъ, изъ черныхъ сотенъ, всякихъ посадскихъ людей, изъ пашенныхъ людей и ихъ дѣтей“. Всѣ эти „приказные“, хотя непосредственно не принадлежали къ дворянству, однако, владѣли помѣстьями и вотчинами и были свободными отъ платежа податей.

Служба была фактически пожизненной. Только выдача на себя частнымъ лицамъ служилой кабалы вела къ освобожденію отъ службы. Это довольно часто практикова-

лось въ XVI вѣкѣ, когда „дворяне, не хотя государевой службы служить и бѣдности познати, били челомъ въ холопство во дворѣ и къ боярамъ и дворянамъ“. Общая численность неслужилаго класса доходила до 100 тыс. человекъ, а, можетъ-быть, и больше. Онъ состоялъ въ вѣдѣніи „Разряднаго приказа“, который велъ списки боярѣ, окольных и думныхъ дворянѣ, людей по московскому и провинціальнымъ спискамъ, казаковъ, „кого когда случится послати на службу, на войну и на воеводства въ города и во всякія посылки“.

Московское правительство XVI вѣка обладало довольно слабыми денежными ресурсами, настолько слабыми, что не могло быть и рѣчи о содержаніи военно-служилаго класса „денежнымъ жалованьемъ“. Приходилось отыскивать другія средства на содержаніе служилаго класса. Такимъ средствомъ могла стать только земля, колоссальныя размѣры которой сосредоточивались въ рукахъ правительства, и которая при тогдашнихъ примитивныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ представляла капиталъ первостепенной важности. Владѣя такимъ „капиталомъ“, правительство и стало раздавать служилымъ людямъ земли подъ условіемъ службы. Такого рода условное землевладѣніе называлось „помѣстьемъ“. Въ „помѣстье“ жаловались какъ дворцовыя земли, такъ и земли „великаго князя, какъ населенныя, такъ и ненаселенныя“. Отдавались въ „помѣстье“ и частно-владѣльческія вотчины, перешедшія какимъ-нибудь образомъ къ государю. Владѣльцы такихъ земель назывались „помѣщиками“. Свое помѣстье они называли „государевымъ жалованьемъ“ и своимъ владѣніемъ. Помѣстное право не стѣсняло держателя земли въ правахъ пользованія. Вообще они могли эксплуатировать свое помѣстье, какъ находили для себя наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Зато помѣщики не располагали правомъ распоряженія. Единственная доступная для нихъ гражданская сдѣлка, это—мѣна помѣстій. Первоначально помѣстье не передавалось по наслѣдству. Впрочемъ и сами помѣщики, и правительство заботились о томъ, чтобы имѣніе не выходило изъ семьи или рода. Послѣ смерти мужей вдовы и дочери получали такъ-называемыя „прожиточныя имѣнія“. Сплошь и рядомъ женщины сдавали свои земельныя участки другимъ лицамъ подъ условіемъ „ихъ кормить и замужь выдавать“. Всякое неисправное отбываніе

государственной военной повинности влекло за собою потерю помѣстья. Помѣстные оклады зависѣли отъ чина военно-служилаго человѣка. Такъ, бояре получали въ помѣстье отъ 1000—2000 четей (четы— $\frac{1}{2}$ десятины); окольные и думные люди — по 1000 четей. Служилые люди по „московскому списку“ — отъ 500 до 1000 четей. Оклады провинціальныхъ дѣтей боярскихъ колебались отъ 100—600 четей. Приборные служилые люди получали денежное жалованье и небольшой земельный участокъ, съ котораго были обязаны нести казенную „десятинную“ пашню и работать для пополненія государевыхъ житницъ.

Помѣстный окладъ являлся той нормой, на которую имѣлъ право соответствующій чинъ военно-служилаго класса. Дѣйствительныя же помѣстныя „дачи“ значительно были меньшаго размѣра, составляя 20—30% нормального помѣстнаго оклада, а то и меньше. Такъ, въ Ржевскомъ уѣздѣ въ 1592 г. до 30 боярскихъ дѣтей, имѣвшихъ право на окладъ отъ 50 до 200 четей, получили лишь земли на „усадища“. И въ другихъ мѣстахъ та же картина: служилые люди „испомѣщены по окладамъ не сполна, иные сполна, а иные въ третій и четвертый жребій, а инымъ дали на усадища по немногу“. Несоответствіе „помѣстной дачи“ окладу объясняется тѣмъ, что правительство при надѣленіи помѣстьями имѣло въ виду и размѣры вотчиннаго землевладѣнія служилаго человѣка, въ зависимости отъ котораго уменьшалась или увеличивалась помѣстная дача. Если служилый дворянинъ считалъ свою помѣстную дачу недостаточной для отбыванія государственной повинности, онъ хлопоталъ о прибавкѣ, называвшейся „наддачей“.

Право владѣнія землей соединялось съ обязательной военной службой. Каждый владѣлецъ помѣстья былъ обязанъ являться по требованію правительства на войну, — „конны, людны и оружны“, — въ полномъ боевомъ вооруженіи и съ известнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ, смотря по величинѣ помѣстья. Обыкновенно одинъ ратникъ ставился съ 100 четей.

Развитіе помѣстнаго землевладѣнія оказало вліяніе и на судьбы вотчиннаго землевладѣнія, бывшаго свободнымъ отъ принудительной военной службы государству. Царскимъ ука-

зомъ отъ 1556 года принудительная военная служба легла всей своей тяжестью и на вотчинное землевладѣніе. Благодаря этому исчезла существенная разница между вотчиной и помѣстьемъ. Собственники вотчинъ отнынѣ прикрѣплялись къ государевой службѣ.

Въ то же время вотчинное и помѣстное землевладѣніе во второй половинѣ XVI вѣка переживало глубокой кризисъ. Первое — изъ-за опричнины и новыхъ хозяйственныхъ условий, къ которымъ приходилось приспособлять свое хозяйство, а также — изъ-за отсутствія рабочихъ рукъ. Второе — изъ-за борьбы съ церковнымъ и свѣтскимъ землевладѣніемъ за рабочія руки, все уменьшавшіяся количествомъ, благодаря охватившему страну экономическому кризису. Эта рознь на почвѣ экономической между высшими и низшими чинами служилаго сословія еще болѣе усложнилась благодаря родовитости первыхъ и незнатности вторыхъ, столь существенно вліявшей и на ихъ служебную карьеру, и на ихъ матеріальное обезпеченіе. Не даромъ дворянскій публицистъ Ивашка Пересвѣтовъ, защитникъ интересовъ мелкихъ и среднихъ служилыхъ классовъ, горячо нападаетъ на боярскій классъ, находя, „что вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ“.

Посадское населеніе.

Вторымъ общественнымъ классомъ въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка были такъ называемые „посадскіе люди“. Это было „не служилое“ населеніе. Оно обязано было тянуть государево тягло наравнѣ съ крестьянскимъ населеніемъ. Жили они посадами и слободами, большею частью возникавшими около городскихъ укрѣпленій. Иногда возникали посадъ или слобода и внѣ городскихъ стѣнъ, подъ вліяніемъ ряда хозяйственныхъ причинъ мѣстнаго характера. Жители „посадовъ и слободъ“ занимались преимущественно торговлей и промыслами, но въ XVI вѣкѣ имъ еще не удалось рѣзко отмежеваться отъ другихъ общественныхъ группъ и захватить торговлю и промыслъ исключительно въ свои руки. Съ ними конкуриро-

вали слободы, принадлежавшія чернымъ, духовнымъ и свѣтскимъ вотчинникамъ. Населеніе этихъ слободъ сидѣло на посадской черной землѣ, купленной вотчинникомъ у посада, занималось торговлей и промыслами, однако не несло никакого городского тягла. Эта торгово-промышленная дѣятельность значительно подрывала и убивала хозяйственную дѣятельность посадскаго населенія, вызывая съ его стороны вполнѣ справедливыя жалобы на привилегированное положеніе населенія частно-владѣльческихъ слободъ. Какъ бы то ни было, но посады въ XVI вѣкѣ являлись торгово-промышленными центрами, а правительство же въ чисто фискальныхъ интересахъ, заинтересованное въ правильномъ поступленіи таможенныхъ сборовъ, слѣдило за тѣмъ, чтобы „по селамъ и деревнямъ не торговали, oprичь посаду“, а также давало разрѣшеніе „уоставити торгъ и торговати по вся дни“ въ той или другой мѣстности, если была замѣчена возможность увеличенія таможенныхъ сборовъ, благодаря появленію новаго „торжка“. Конечно, не всѣ города-посады имѣли одинаковое торгово-промышленное значеніе. Въ этомъ отношеніи между ними существовала значительная разица. Такъ, въ сѣверныхъ поморскихъ городахъ городъ не успѣлъ выдѣлиться изъ уѣзда и по существу мало въ чемъ отличался отъ деревни. Населеніе и города, и уѣзда одновременно занималось и сельскимъ хозяйствомъ, и промысловой дѣятельностью, и торговлей. Зато города, близкіе къ Москвѣ, были населены по преимуществу торгово-промышленнымъ классомъ, составлявшимъ въ нихъ большинство.

Около Москвы скрещивались торговые пути и отсюда расходились къ окраинамъ государства. Отсюда шла дорога черезъ Нижній-Новгородъ въ Казань черезъ Оку и среднюю Волгу на сѣверъ, къ Бѣлому морю, и сѣверо-западъ, къ Великому Новгороду. Благодаря этому Москва превратилась въ одинъ изъ богатѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ посадскихъ центровъ. Около Москвы лежали многочисленные посады: на сѣверо-западъ—Можайскъ, Торопецъ, Великія Луки и цѣлый рядъ пригородовъ въ Новгородско-Псковской землѣ. На торговой дорогѣ на Оку и Волгу лежали посады: Коломна, Серпуховъ, Кашира, Муромъ и, наконецъ, рядъ посадовъ къ сѣверу отъ Москвы—Ярославль, Вологда, Устюгъ, Холмогоры, Архан-

гельскъ. Что же касается городовъ восточныхъ и южныхъ, то по своему значенію это были, скорѣе, военные центры, и потому въ нихъ преобладало военно-служилое населеніе, и въ торгово-промышленномъ отношеніи они представляли собой весьма ничтожную величину. Провинціальное посадское населеніе по своему составу было далеко не однороднымъ и дѣлилось на нѣсколько разрядовъ, принадлежность къ которымъ зависѣла отъ экономическаго положенія посадскаго человѣка. Въ зависимости отъ этого жители посадовъ дѣлились на „лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей“; они отличались другъ отъ друга не только размѣрами тягла, которое они несли государству и тяжестью службы, какую на нихъ возлагало государство, но и нѣкоторыми юридическими правами. Жители посада составляли обыкновенно посадскую общину, бывшую и самостоятельнымъ податнымъ округомъ, за исключеніемъ сѣверныхъ поморскихъ городовъ, гдѣ городъ и уѣздъ въ податномъ отношеніи сливались въ одно цѣлое. Посадъ пользовался самоуправленіемъ и имѣлъ отдѣльныхъ выборныхъ властей. Все населеніе посада составляло посадскій „міръ“, собиравшійся по мѣрѣ надобности. Міръ выбиралъ своихъ посадскихъ старостъ и земскихъ цѣловальниковъ, составлявшихъ „земскій совѣтъ“, учрежденіе исполнительнаго характера. Міръ занимался раскладкой податей между своими членами. На посадскомъ сходѣ читались правительственные указы, тутъ же читались „мірскія челобитья за всеобщимъ рукоприкладствомъ“. Если посадъ имѣлъ отдѣльнаго отъ волости „губного старосту“, то избраніе его происходило на посадскомъ сходѣ. Посадскій староста и цѣловальникъ это—исполнительные органы посадскаго міра. Староста собираетъ „государевы подати“, отправляется съ челобитьями къ царю, расходуетъ мірскія деньги по указанію міра. Цѣловальники, это—помощники старосты и исполнители его порученій.

Посадскіе повинности состояли въ платежѣ „государева тягла“, собиравашагося „по сохамъ и дворамъ“, въ платежѣ денежнаго оброка, вносимаго членами общества съ различныхъ статей и промысловъ. Оброкъ это — индивидуальная повинность. Размѣры его опредѣлялись правительствомъ. Въ его раскладкѣ міръ не принималъ никакого участія. Помимо этого на посадскую общину падалъ и рядъ на-

туральныхъ повинностей. По требованію правительства, посадская община должна была высылать требуемый комплектъ населенія для отправленія разнаго рода „казенныхъ“ службъ—постройки укрѣпленій, варки селитры и т. д. Иногда на посадскій міръ возлагались и финансовыя порученія: тогда онъ выбиралъ головъ и цѣловальниковъ для сбора таможенныхъ и кружечныхъ сборовъ и отвѣчалъ своей имущественной отвѣтственностью за недоборы и неисправное веденіе дѣла.

Составъ посадскаго населенія Москвы былъ нѣсколько иной. Высшій разрядъ посадскаго населенія назывался „гостями“, „гостинымъ именемъ“. Обыкновенно оно давалось пожалованіемъ государя. Гости состояли на службѣ правительства и выполняли его финансовыя порученія, завѣдуя таможенными и кабацкими сборами и въ случаѣ недобора отвѣчая за нихъ своимъ имуществомъ. Гости пользовались значительными преимуществами: ихъ безчестіе оцѣнивалось Судебникомъ Ивана IV въ 50 рублей. Кроме того, они имѣли право покупать вотчины и получать помѣстья, также они освобождались отъ юрисдикціи намѣстниковъ, съ подчиненіемъ суду царя. Обыкновенно званіе „гостя“ жаловалось разбогатѣвшимъ провинціальнымъ купцамъ, которыхъ и переводили въ Москву. Затѣмъ шли торговые люди „гостиной и суконной сотень“, окончательно образовавшихся къ концу XVI вѣка. Это тоже были богатые купцы, пользовавшіеся привилегіями гостей. Только имъ не поручали никакой самостоятельной финансовой службы, а состояли они помощниками гостей по сбору кабацкихъ и таможенныхъ денегъ. Корпорации людей „гостиной и суконной сотень“ также пополнялась за счетъ провинціального міра. Наконецъ, „торговые люди черныхъ сотень и слободъ“ составляли низшій разрядъ посадскаго населенія въ Москвѣ. Это—наиболѣе многочисленныя группы населенія, сама жизнь московскаго посада. Они платили оброкъ, несли тягло и отправляли разнаго рода „казенныя службы“, какъ и прочее провинціальное посадское населеніе. Экономическое положеніе посадскаго населенія въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно, было очень тяжелымъ. Съ одной стороны тяжелыя повинности, съ другой стороны—постоянное стремленіе правительства перевести въ Москву на службу богатого провинціального челоуѣка, благодаря чему, при налич-

ности тѣхъ же повинностей, уменьшалось количество лицъ, отбывавшихъ ихъ. Наконецъ, посадскій человекъ повсюду встрѣчалъ себѣ конкурента въ лицѣ служилаго человека. Послѣдній отнималъ у него усадьбы, поселялся въ городахъ для „ратной службы“ на случай осады и оставлялъ вмѣсто себя „дворника“, наблюдавшаго за усадьбой и занимавшагося торговлей и ремесломъ, но не платившаго никакихъ налоговъ въ мірскую посадскую казну. Поселившіеся частно-владѣльческіе крестьяне сокращали ихъ промысловую дѣятельность, отнимали у нихъ рынокъ. А бремя государственныхъ податей и повинностей все росло и росло. Придавленному со всѣхъ сторонъ посадскому человеку, прогрессивно бѣднѣвшему и разорявшемуся, оставалось только одно — бросить все свое хозяйство, свой домъ и уйти на сторону, попросту — убѣжать въ „дикое поле“, гдѣ не могла схватить его цѣпкая правительственная рука или „заложиться“ за служилаго человека и тѣмъ освободиться отъ тягла. Уменьшеніе посадскаго населенія къ концу XVI вѣка — явленіе, постоянно бросающееся въ глаза. Пустѣли города сѣверо-западной области, стали „пустѣть“ и города, расположенные около Москвы. Лѣтописецъ констатируетъ, что „множество разыдеса людей изъ Можайска и изъ Волока“, и одновременно указываетъ пути его направленія — „на Рязань и въ Мещеру, и въ понизовые города, въ Нижній-Новгородъ“. Такъ намѣчался сдвигъ населенія къ югу и юго-восточной окраинѣ государства.

Сельское населеніе.

Сельское населеніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка дѣлилось на нѣсколько разрядовъ: крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ, помѣщичьихъ и церковныхъ, смотря по тому, на чьей землѣ сидѣли крестьяне, чью землю они обрабатывали. Черносошные или государственные крестьяне сидѣли на земляхъ государственныхъ и находились въ непосредственной зависимости отъ государства. Они рѣзко выдѣлялись изъ остальной массы сельскаго населенія, въ податномъ отношеніи составляли рѣзко обособленную группу, „а съ черными людьми не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ разметы, — гово-

рило правительственное распоряженіе.—Черные люди прежде всего—свободные люди. Жили они волостями—тяглыми общинами, состоявшими изъ нѣсколькихъ селъ и деревень. Фактическимъ собственникомъ земли являлась волость. Отдѣльный крестьянинъ постольку собственникъ, поскольку онъ членъ волостной общины. Если земельные участки находились въ индивидуальномъ пользованіи, то община распоряжалась лугами, лѣсами, выгонами. Свои земельные участки крестьяне могли передавать по наслѣдству, сдать другимъ лицамъ, если послѣднія соглашались „тянуть государевы налоги“ совместно со всей общиной.

Волость-община, являясь юридическимъ лицомъ, располагала довольно большой распорядительной властью. Она выбирала „сотскихъ и лучшихъ людей“ для участія въ судѣ намѣстника и его тиуна въ волостяхъ. Сотскіе—представители волости. Отъ ея имени они сносились съ центральной администраціей. На ихъ имя пишутся грамоты съ обращеніемъ ко всему населенію—„старостѣ и всѣмъ крестьянамъ“. Для рѣшенія общихъ дѣлъ собиралась вся волость—„мірской совѣтъ“. Такія собранія происходили большею частью подъ открытымъ небомъ, въ праздничные дни на погостѣ, около церкви. Кромѣ избранія на выборныя должности, волость раскладывала подати между своими сочленами, связанными въ интересахъ государства круговой порукой. Помимо разверстки податей, волость черезъ своихъ выборныхъ лицъ участвовала въ судѣ намѣстниковъ и связана была общинной отвѣтственностью за преступленія, случившіяся на волостной территоріи. Такъ, если находили на волостной землѣ тѣло какого-нибудь убитаго, то волость должна или отыскать преступника, или уплатить штрафъ, если виновный не будетъ найденъ. Налоги, слѣдуемые съ волости, собирались ея выборными. Уставныя намѣстничьи грамоты запрещали намѣстнику и его чиновникамъ лично собирать въ волостяхъ кормы и поборы

Волость имѣла свою церковь и выбирала церковнаго старосту, выборы коего, вмѣстѣ съ „заручными“ листами посылались на утвержденіе епископа. Встрѣчались кое-гдѣ и „волостные монастыри“, построенные и содержимые всей волостью, чтобы имѣть возможность постричься въ немъ, когда уже наступить

старость. Въ храмовой праздникъ устраивались „общіе трапезы“ за счетъ всей волости. Въ XVI вѣкѣ происходили существенныя измѣненія въ судьбахъ черносошнаго крестьянства. Общинныя мѣры переходили въ руки „князей и дѣтей боярскихъ“. Разрывались вѣковыя связи, когда волостныя земли, отданныя въ помѣстье, дробились среди отдѣльныхъ помѣщиковъ. Въ центральныхъ уѣздахъ уже почти не сохранилось свободнаго крестьянства. Не много его было уже въ замосковныхъ городахъ. Только Сѣверное Поморье все еще было населено свободнымъ крестьянствомъ. Здѣсь не было помѣстной системы. Помимо этого, благодаря увеличенію государственныхъ тягостей, населеніе волости разбѣгалось, а за ушедшихъ платили оставшіеся, отчего увеличивались недоимки и разорялись оставшіеся.

Заинтересованная въ сохраненіи возможно большаго количества плательщиковъ податей, волость-община хлопотала о возвращеніи на старыя мѣста ушедшихъ. Правительство же, также заинтересованное въ правильномъ бездоимочномъ поступленіи податей, разрѣшало волостямъ возвращать на старыя мѣста ушедшихъ. Благодаря этой мѣрѣ, крестьяне черныхъ земель лишились права свободнаго передвиженія.

Экономическое положеніе черносошнаго крестьянства было далеко не одинаково. Наряду съ зажиточными, самостоятельными хозяевами было немало и совершенно бѣдныхъ, лишенныхъ возможности оставаться самостоятельными членами волостной общины. Обыкновенно такіе обездоленные люди брали участки земли въ аренду или у частнаго владѣльца, или у черныхъ же крестьянъ. Если въ первомъ случаѣ черносошный крестьянинъ порывалъ связь съ волостью, то во второмъ случаѣ онъ сохранялъ съ ней связь если не на правахъ собственниковъ, то въ качествѣ „половниковъ или крестьянъ-порядчиковъ“. Половники, какъ и прочее черносошное крестьянство, несли государево тягло. Только лицами, отвѣтственными за правильное поступленіе съ нихъ податей, являлись не „волость“, а собственники тѣхъ земель, на которыхъ они сидѣли. Особенно было много половниковъ въ поморскихъ уѣздахъ. Къ числу обѣднѣвшихъ крестьянъ принадлежали и бобыли. Это уже беспашенные люди. Они имѣли только одинъ дворъ. Занимались они разнаго рода ремесломъ.

на доходы съ котораго и жили. Встрѣчались бобыли, и не имѣвшіе своихъ дворовъ. Ихъ называли „безмѣстными“, „походячими“. Они работали по чужимъ дворамъ въ качествѣ наймитовъ. Если матеріальное положеніе „бобыля“ улучшалось, онъ опять могъ сѣсть на землю и, при благоприятныхъ условіяхъ, „снова крестьянствовать“. Подъ вліяніемъ экономическаго кризиса, охватившаго страну во второй половинѣ XVI вѣка, количество бобыльскихъ дворовъ стало замѣтно увеличиваться.

Огромная масса сельскаго населенія жила на частновладѣльческихъ, дворцовыхъ, церковныхъ и свѣтскихъ земляхъ, мало-по-малу лишившаяся своей свободы и очутившаяся въ крѣпостной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Такая перемѣна въ положеніи крестьянина, конечно, совершалась не сразу. Прошло немало времени, пока свободный крестьянинъ превратился въ крѣпостного. Когда крестьянинъ, подъ вліяніемъ бѣдности, не могъ вести свое хозяйство, онъ его забрасывалъ, а самъ уходилъ на сторону къ какому-нибудь землевладѣльцу и снималъ у него участокъ земли на правахъ аренды. Первоначально арендныя отношенія нисколько не измѣняли правового положенія сѣмщиковъ земли. Онъ могъ оставить ее, лишь только кончится срокъ аренды и со стороны держателя земли будутъ выполнены всѣ принятыя имъ обязательства. Но условія жизни сложились такъ неблагопріятно для крестьянина, что аренда земли явилась источникомъ его крѣпости. Когда какой-либо вольный крестьянинъ снималъ у собственника землю, онъ заключалъ съ нимъ арендный договоръ, называвшійся „порядной грамотой“. Такіе договоры первоначально были устные, и только впоследствии стали письменными. Наболѣе ранняя изъ сохранившихся порядныхъ грамотъ относится къ 1544 году.

Содержаніе порядной грамоты заключалось въ слѣдующемъ: прежде всего упоминался въ ней тотъ, кто поряжался во крестьяне се язъ Елизарей Ѳедоровъ, сынъ Трубинъ, порядился есми, се язъ Акулъ Васильевъ—да съ дѣтьми своими порядился).

Затѣмъ упоминалось лицо, кому поряжались. Крестьяне садились жить „за монастыремъ“, „за церковью“, поряжались яъ такую-то „деревну“. Далѣе опредѣлялось названіе и вели-

чина арендуемаго участка. Земельные участки были большею частью не одинаковаго размѣра. Вычислялись они въ обжахъ, въ которыхъ было 10—15 десятинъ, въ трехъ поляхъ, а также въ вытяхъ, размѣры которыхъ зависѣли отъ качествъ почвы и колебались между 18 и 24 десятинами. Впрочемъ, такіе размѣры выти можно считать весьма приблизительными, такъ какъ они сильно колебались по отдѣльнымъ районамъ). Обыкновенно крестьяне арендовали небольшіе участки ($\frac{1}{2}$ обжи. штину обжи, половину деревни, треть деревни, шестую долю деревни, двѣнадцатую долю обжи, пустошь на два плуга земли, со всѣми угодьями и съ пожнями, шестую выть, четверть обжи, двѣнадцатую выть). Порядная грамота заключалась на опредѣленный срокъ — три года, пять лѣтъ, двадцать лѣтъ, шесть лѣтъ, восемь лѣтъ, десять лѣтъ. Въ порядной грамотѣ детально перечислялись условія аренды—арендаторъ обязывался „межь не спускати“, „орати и сѣяти, и пары парити, и сѣно косити и огороды городити“, „гнои на землю возити“, „со всякимъ сбереженьемъ не за пустошити никотораго мѣста“. Если на арендуемой землѣ находились уже усадебныя постройки, то съемщикъ обязывался „тѣ хоромы негноити“, „подрубити овинь“, „починивати“, „дерньемъ крыти“. Иногда арендаторъ обязывался возвести новыя постройки—„поставити по избѣ трехъ сажень съ локтемъ, да по клѣти, да по хлѣву съ сѣнникомъ“, „поставити въ тѣ урочные лѣта изба новая, да клѣть съ подклѣтьемъ, да хлѣвъ, и покрыть тѣ новыя хоромы соломю“. Затѣмъ порядчикъ обязывался „государевъ царской оброкъ денежной давати по старому, по книгамъ“, „всякіе государевы подати съ волостными людьми платити вмѣстѣ“. Рядомъ съ этимъ перечислялись повинности въ пользу землевладѣльца. Онѣ были двоякаго характера и заключались въ платежъ оброка и отправленіи барщины. Оброкъ былъ двухъ видовъ: натуральный и денежный. Первый рѣшительно доминировалъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Второй преобладаетъ въ порядныхъ уже во второй половинѣ вѣка. Натуральный оброкъ въ пользу землевладѣльца платился разнаго рода хозяйственными продуктами, какъ то: рожью, яйцами, масломъ, рыбой, солью. Одни порядчики платили „по три бочки рыбы живопросольныя, бочки щучины живопросольныя, большіе звѣнье, осенніе

ловла, а пласти невоблые, да бочка судочины“. Другіе обя- зывались вносить оброку: „хлѣба, ржи и овса пять коробей, въ новую мѣру съ году на годъ, и изъ лѣса пятый снопъ, а изъ заозерья—шестой снопъ“.

Помимо платежа оброка крестьяне были обязаны „на дѣло монастырское ходити, издѣлье монастырское дѣлати, пашни пахати и поль огородити, и паженъ расчищати“.

Встрѣчались порядныя, въ которыхъ рядившееся лицо получало льготы, какъ въ платежѣ государственныхъ повинно- стей, такъ и въ платежахъ владѣльцу земли. Срокъ льготы былъ различный—отъ 2—8 лѣтъ. Иногда крестьяне новопо- рядчики освобождались въ видѣ льготы и отъ бар- щины: „а которо году учнемъ мы избу ставити, и имъ насъ пожаловати не велити намъ издѣлья монастырскаго дѣ- лати; а жити намъ во льготѣ на той деревнѣ... впредь че- тыре годы... и въ тѣ намъ льготные лѣта... и монастырскаго никотораго дѣла намъ не дѣлати“. Обыкновенно въ поряд- ную грамоту вписывались также условія о ссудѣ и подмогѣ, такъ какъ рѣдкій порядчикъ могъ приступить къ заведенію своего хозяйства безъ матеріальной помощи со стороны зе- млевладѣльца. И та, и другая могли выражаться „въ денежномъ займѣ“, „въ сѣменахъ“, „въ хлѣбѣ“. Между подмогой и ссу- дой, однако, была нѣкоторая существенная разница. Подмога —большею частью безпроцентный долгъ, погашавшій самымъ фактомъ выполненія арендныхъ условій—расчисткой пашни, постройкой хоромовъ... Ссуда же, наоборотъ, всегда про- центный долгъ. Денежныя ссуды назывались „серебромъ“, хлѣбъ отданный въ ссуду — „насопомъ“. Размѣры де- нежной ссуды колебались отъ 2 до 10 рублей. Сплошь и рядомъ барщинныя работы являлись однимъ изъ средствъ уплаты процентовъ по долговымъ обязательствамъ порядчика. Помимо этого, всякій новопорядчикъ предста- влялъ за себя поручителя въ томъ, что онъ „будетъ жить во крестьянахъ, землю пахать и дворъ строить, новые хоромы ставити, а старые починивати, жить тихо и смирно и ника- кимъ воровствомъ не воровать и не сбѣжати“. Въ против- номъ случаѣ поручители платили неустойку. Если же кре- стьянинъ уходилъ отъ землевладѣльца до окончанія срока аренды, онъ обязывался уплатить „пожилое“, „за дворовое

постановленіе“, возвратить данную ссуду, уплатить убытки и „подможные деньги“. Наконецъ, во многихъ порядныхъ подробно перечислялись условія крестьянскаго выхода: отказчикъ могъ уйти по окончаніи аренднаго срока, при условіи „царя и великаго князя дань и оброкъ, и службы и земскія разсчеты, и спаская празга заплати сполна, и тѣ хоромы и огороды, и пашня отвѣсть старостѣ“. Таковы условія крестьянской аренды. Нельзя не признать ихъ очень тяжелыми. Необходимость уплачивать при выѣздѣ ссуду и „пожилое“ за всѣ прожитые годы, привела къ тому, что крестьянская ссуда явилась источникомъ крестьянской крѣпости, отъ которой освободиться вполнѣ законнымъ путемъ было невозможно.

Въ связи съ крестьянской задолженностью вырастаетъ такъ-называемый институтъ „старожительства“. Долгъ дѣлалъ крестьянина „стариннымъ“. Эти-то старожильцы уже въ XV вѣкѣ считались крѣпкими къ землѣ и разсматривались собственниками, какъ уже потерявшими право выхода. Обыкновенно старожильцемъ считался тотъ, кто прожилъ на одномъ мѣстѣ 10 лѣтъ. Съ появленіемъ „гисцовыхъ книгъ“, старина опредѣлялась уже по послѣднимъ. И правительство уже въ XVI вѣкѣ считало старожильцевъ крѣпкими къ нимъ, и, выдавая „Важескую уставную грамоту“, разрѣшило посадскимъ и волостнымъ людямъ „старыхъ своихъ тяглецовъ, крестьянъ изъ-за монастырей вывозить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажать по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того“. Но въ то же время, какъ старожильство „черныхъ крестьянъ“ влекло за собой прикрѣпленіе къ тяглою общинѣ, старожильство частновладѣльческихъ крестьянъ приводило къ крѣпости, къ помѣщику. Крѣпостное право съ самаго своего возникновенія носило характеръ личной зависимости. Отчасти это зависѣло отъ отвѣтственности помѣщика за исправное поступленіе податей, отчасти личная крѣпость складывалась благодаря вліянію такъ-называемаго „кабальнаго холопства“ на „издѣльное крестьянство“. Кабальное холопство появилось въ половинѣ XV вѣка. Возникло оно на почвѣ договора займа. Свободное лицо занимало деньги и выдавало на себя „заемное письмо“—кабалу съ обязательствомъ „за ростъ служить“. Кабальное холопство сначала прекращалось только по уплатѣ долга. Къ концу

XVI вѣка, независимо отъ размѣровъ долга, оно стало пожизненнымъ. Если же холопы пожелають дать выкупъ, то господа имѣють право имъ въ этомъ отказать. Кабальные холопы, состоя при дворѣ владѣльца, были обязаны исполнять его приказанія и работать на него. Бывали примѣры, когда они сажались на пашню и обрабатывали землю.

Положеніе крестьянина, взявшаго ссуду и обязаннаго за нее отработывать проценты, по своей экономической зависимости, приближалось къ положенію кабальнаго холопства. Сами же помѣщики не видѣли особенной разницы между юридическимъ состояніемъ кабальнаго холопа и должника-крестьянина. И тотъ, и другой были должниками, связанными принудительной работой на помѣщика. Обязательная же отвѣтственность помѣщика за платежъ податей давала право помѣщику не только на личность крестьянина, но и на его имущество, и открывала полную возможность вмѣшательства въ хозяйственныя дѣйствія крестьянина.

Такъ все болѣе и болѣе затягивалась крѣпостная петля на шею русскаго крестьянства, уже лишеннаго возможности „законнымъ путемъ“ выйти изъ крѣпостной неволи. Крестьянину оставалось или посредствомъ, такъ-называемаго вывоза, перейти къ другому помѣщику, съ переводомъ стараго долга на новаго владѣльца, или бѣгствомъ, безъ расплаты насильно развязать сложившіяся крѣпостныя отношенія. Во второй половинѣ вѣка особенно было распространено бѣгство на окраины. Цѣлый рядъ данныхъ констатируетъ запустѣніе центральныхъ мѣстностей городскихъ и сельскихъ. Съ другой стороны, незамѣтно увеличивается населеніе въ области Дона, средней и нижней Волги, куда населеніе тянули тучный черноземъ и жажда свободы. Иногда крестьяне и не уходили такъ далеко, а переходили на земли крупныхъ вотчинниковъ, большею частью имунистовъ, предлагавшихъ крестьянамъ льготы въ платежѣ государственныхъ повинностей, что на нѣкоторое время дѣлало ихъ существованіе болѣе легкимъ. Такая перемѣна отношеній была мало выгодна крестьянину, такъ какъ старый долгъ переводился на новаго помѣщика, и старая кабала замѣнялась новою, хотя онъ и пользовался первоначально льготою по платежу повинностей.

Зато такой вывозъ былъ очень выгоденъ крупному землевладѣльцу, такъ какъ обиліе рабочихъ рукъ обезпечивало ему правильное веденіе своего хозяйства. Зато отъ такого выхода крестьянъ особенно страдали интересы среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ какъ, оставаясь безъ рабочихъ рукъ, они были не въ силахъ эксплуатировать землю и на доходы съ нея являться на войну. Не менѣ страдали и черные тяглые люди. Связанные круговой порукой, они, лишившись нѣкотораго числа плательщиковъ, должны были платить за ушедшихъ. Правительство долгое время не принимало никакихъ мѣръ ни противъ бѣгства, ни вывода, но страшное залуствіе служилыхъ земель, съ которыхъ не было ни службы, ни платежей, лишивъ его необходимыхъ податныхъ и военныхъ ресурсовъ, заставило принять мѣры противъ вывоза крестьянства и ослабленія кризиса въ сельскомъ хозяйствѣ, въ связи съ отливомъ рабочихъ рукъ.

Случаи принятія правительствомъ отдѣльныхъ мѣръ противъ пріема крестьянъ бывали и раньше. Еще въ удѣльное время въ княжескомъ договорѣ довольно часто встрѣчаются выраженія: „промежъ себя не принимати въ свои удѣлы“ письменныхъ, численныхъ и тяглыхъ людей, благодаря чему сокращалась свобода перехода изъ одного уѣзда въ другой. Помимо этого, въ предѣлахъ самаго княжества запрещалось земледѣльцамъ принимать старожильцевъ. Иногда, въ виду исключительныхъ льготъ, князья жаловали землевладѣльцамъ право не выпускать изъ-за себя крестьянъ.

Такія грамоты были получены при Василии Темномъ Троице-Сергіевскимъ монастыремъ по отношенію къ его вотчинамъ въ двухъ уѣздахъ: Бѣжецкомъ и Углицкомъ. Тѣмъ не менѣ, несмотря на эти отдѣльныя распоряженія, крестьянская масса по закону пользовалась правомъ свободного перехода. Законодательства Судебниковъ 1497 и 1550 годовъ объ Юрьевомъ днѣ только вводили нѣкоторый порядокъ въ крестьянскіе выходы, хотя обставили ихъ такими условіями, что они должны были или значительно сократиться, или совсѣмъ прекратиться. При выходѣ крестьянинъ былъ обязанъ уплатить „пожилое“ за пользованіе дворомъ. Только крестьянамъ, продавшимся въ холопство, разрѣшался выходъ безъ всякаго срока и безъ платежа „пожилого“, но если лицо,

продающееся въ холопы, пожелало бы воспользоваться по-сѣянными хлѣбомъ, то должно было заплатить соотвѣтствующія подати. Въ противномъ случаѣ, оно лишалось всего урожая. Эти условія выхода въ общемъ были очень стѣснительны. Законъ предписывалъ собирать „пожилое“ съ воротъ — помѣщики устраивали въ одномъ дворѣ нѣсколько воротъ и съ помощью такого мало законнаго приѣма увеличивали размѣры „пожилого“. Кромѣ того, выходящій крестьянинъ долженъ былъ заплатить всѣ свои долговыя обязательства, что фактически и дѣлало выходъ невозможнымъ. На почвѣ незаконнаго выхода и своза крестьянъ возникали иски о незаконномъ держаніи бѣглыхъ. Правительство было прямо-таки ими завалено. Чтобы какъ-нибудь ихъ урегулировать, правительство царя Федора опубликовало 24 ноября 1597 года указъ, который и явился началомъ цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ противъ перехода крестьянъ въ интересахъ служилой массы. По смыслу указа 1597 года, „если крестьяне выбѣжали изъ помѣстій и вотчинъ бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, дѣтей боярскихъ, а также владычныхъ, патриаршихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ за 5 лѣтъ до нынѣшняго указа и если въ то время владѣльцы помѣстій и вотчинъ чинили по судамъ иски о бѣглыхъ крестьянахъ, то давати судъ и сыскивати на-крѣпко всякими сыски и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“. Если крестьяне выбѣжали раньше 1592 года „лѣтъ за шесть и за семь и за десять и больше“, и владѣльцы помѣстій и вотчинъ не чинили о нихъ иска, то такихъ крестьянъ „не вывозить и ихъ челобитьямъ хода не давать“.

Такъ устанавливалась пятилѣтняя давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Не внося ничего новаго въ юридическое положеніе крестьянина, указъ 1597 года гарантировалъ свободу давнишнимъ бѣглецамъ и, урегулировавъ судопроизводство о бѣглыхъ, далъ возможность владѣльцу судомъ искать своего крестьянина. Впрочемъ, большого практическаго значенія указъ не имѣлъ. Бѣгство крестьянъ на окраины и земли крупныхъ землевладѣльцевъ попрежнему продолжалось. Параллельно этому и усиливался и свозъ крестьянъ, столь губительный для средняго и мелкаго землевладѣнія.

Полное распаденіе служилаго землевладѣнія заставило принять кое-какія мѣры противъ дальнѣйшаго увеличенія вывоза крестьянъ. Указомъ 1601 и 1602 года временно запрещался свозъ крестьянъ крупнымъ вотчинникамъ и служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, землевладѣльцамъ Московскаго уѣзда. Въ другихъ уѣздахъ свозъ разрѣшался, но не болѣе, какъ двухъ крестьянъ за одинъ разъ. Помимо этого въ интересахъ средняго и мелкаго землевладѣнія были уничтожены „тарханы“, выданныя раньше крупнымъ землевладѣльцамъ. Такъ началась систематизація мѣръ по укрѣпленію за землевладѣльцами крестьянскаго населенія.

Казачество.

Народная колонизація южной и юго-восточной окраинъ Московскаго государства вполне совпадала съ правительственной дѣятельностью по оборонѣ границъ. Сюда бѣжали всѣ, кто былъ недоволенъ общественными отношеніями въ странѣ. Но больше всего здѣсь было крестьянскаго населенія и холоповъ. Имъ приходилось пополнять кадры мѣстнаго населенія — казачества, издавна тамъ жившаго и занимавшагося отчасти земледѣліемъ, отчасти охотой, отчасти рыболовствомъ. По составу казачество было далеко не однороднымъ и дѣлилось на два разряда—верхнее и низовое казачество. Первый разрядъ образовался изъ бѣглецовъ болѣе ранняго періода, уже обжившихся на мѣстахъ и занимавшихъ земледѣліемъ. По большей части это были совершенно мирные люди. Назывались они городовыми казаками, но не признавали надъ собой власти московскаго государя— не желали нести ни тягла, ни принудительной военной службы и крѣпко держались за свою свободу. Низовое казачество это—бѣглецы позднѣйшаго времени. Не имѣя никакихъ средствъ для существованія, они занялись грабежомъ купеческихъ каравановъ, сосѣдей и брали съ нихъ выкупъ. Бѣгство населенія изъ центра на окраины вызвало переполненія мѣста, гдѣ осѣло казачество. Даже семейное казачество оставляло свой домъ и мѣняло образъ жизни. Одна часть его сливалась съ „гулящими“ людьми, другая часть поступала

на службу въ украинные города и превращалась въ низшихъ служилыхъ элементовъ, готовыхъ каждую минуту подняться противъ того правительства, которому служили. Здѣсь, среди казачества царилъ ненависть противъ того государственнаго порядка, который, по словамъ проф. Платонова, „лишалъ крестьянство его земли и предпочиталъ выгоды служилаго человѣка, жившаго чужимъ трудомъ, интересамъ тяглаго человѣка“. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка вся южная Украина, бассейнъ Дона и Нижней Волги, была заселена населеніемъ, озлобленнымъ и недовольнымъ и готовымъ подняться ежеминутно противъ того, кто его тѣснилъ, и помочь тому, кто сулилъ ему свободу, которая такъ къ себѣ всѣхъ притягивала.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVI вѣка княжеская аристократія была задавлена, какъ политическая корпорація и какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Однако, разоренная и униженная, она не сочла себя побѣжденной и, временно затаивъ въ своей груди недовольство новымъ государствомъ и строемъ, выработала опредѣленный взглядъ на свои будущія отношенія къ верховной власти, который она стремилась осуществить во время смуты.

Экономическій же кризисъ, охватившій страну въ срединѣ XVI вѣка, немало содѣйствовалъ ея крушенію. И служилая масса, постоянно отвлекаемая войнами, была лишена возможности заниматься хозяйствомъ, но въ то же время тратила на военныя нужды свои послѣднія средства, такъ какъ, благодаря „свозу и бѣгству крестьянъ“, земли лежали „впустѣ“ и были не воздѣланы. Конкуренція же съ крупными землевладѣльцами духовными и свѣтскими была фактически невозможна. Къ антагонизму на почвѣ экономической присоединяется недовольство служилой массы своимъ политическимъ положеніемъ. Все это и опредѣлило ея физиономію во время смуты. Крестьянская масса, попавъ въ тяжелую крѣпостную неволю и лишившись права перехода, благодаря росту задолженности, а съ переходомъ черныхъ земель въ частныя руки и самоуправленія, была готова каждую минуту поднять борьбу за утраченную свободу. Посадская масса тоже была

недовольна своимъ положеніемъ. Вытѣсняемая служилыми людьми, она оставляла свои насиженные мѣста, уходила на сторону и всячески старалась избавиться отъ невыносимаго посадскаго ярма.

Наконецъ, казачество, впитывая въ себя всѣ недовольные элементы, являлось главнымъ центромъ, гдѣ жила и укрѣплялась ненависть къ тому соціальному строю, который свободнаго челоуѣка дѣлалъ постепенно крѣпостнымъ. Такимъ образомъ, между низшей и высшей служилой массой существовалъ антагонизмъ на почвѣ политической и экономической. Съ другой стороны, ихъ объединяли общіе хозяйственные интересы и боязнь активнаго выступленія со стороны низшихъ классовъ, что имѣло большое значеніе для ихъ взаимныхъ отношеній въ эпоху смуты, въ тотъ моментъ, когда низшіе классы поднимутся для возвращенія утерянной ими свободы. Такъ, во второй половинѣ XVI столѣтія окончательно сложились тѣ политическія и соціальныя отношенія, которыя опредѣлили отношеніе общественныхъ группъ къ событіямъ, разыгравшимся въ Московскомъ государствѣ послѣ смерти Ивана Грознаго.

В. Пичета.